

ненности: чем ниже падение тона, тем больше вероятность свободной и слабой связи между синтагмами.

Итак, можно говорить о безусловной предпочтительности той или иной степени расчлененности при определенном знаке препинания. Аналогично установленной зависимости в длительности паузы воспринимаемая степень расчлененности градуально возрастает от (,) к (;) по числу случаев свободной и слабой связи. При этом следует иметь в виду, что восприятие характера стыка — это результат комплексного взаимодействия просодических и семантико-синтаксических факторов.

Е. В. КОРШУК

РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Речевое общение предполагает понимание общающимися друг друга. В противном случае, без осознания адресатом замысла говорящего, язык не мог бы выполнять свою основную — коммуникативную — функцию. Для обеспечения понимания каждое высказывание должно удовлетворять целому ряду требований: адекватно отражать мысль автора, соответствовать речевой ситуации или контексту, быть приемлемым с грамматической и фонетической точек зрения. Несоблюдение этих правил ведет к искажению замысла говорящего и вызывает не только неправильные ответные реплики, но и несоответствующие неязыковые действия.

Когда адресат не понимает нас, можно предположить, что при порождении высказывания произошло рассогласование в работе механизмов речевого действия, связанное с особенностями «переливания мысли в слово». Происходит оно на разных этапах формирования высказывания — от перехода к внутреннему программированию, выбору слов и грамматических структур, до артикуляции. Результаты такого рассогласования могут быть разными и неодинаково влиять на процесс общения. В некоторых случаях больше вероятность понимания, адекватно отражающего значимую информацию и намерение автора, в других возможны как правильный, так и неправильный варианты, не исключено, что верно декодировать высказывание может оказаться сложнее, нежели неверно.

Примером рассогласования в работе механизмов порождения речи, а точнее, механизмов поиска слов и контроля за этим поиском, является межъязыковая лексическая интерференция, т. е. процесс и результат использования элементов и правил их функционирования одного языка в речевой деятельности на другом. Зависимость полновесного общения от наличия или отсутствия интерференции отмечается многими исследователями. Однако до сих пор оставался открытым вопрос о том, чем же обуславливается сила воздействия лексической интерференции на коммуникацию, каков объективный критерий этого влияния. Представляется, что таким критерием может стать характер семантических отношений интерферирующих слов, соотношение у них тождественного и различного. Так, например, единицы могут относиться к одному семантическому полю, как русское *экзаменовать* и английское *examine*, к одной лексико-семантической группе, как русское *активность* и английское *activity*, быть в синонимических отношениях, как русское *конгресс* и английское *Congress*. Интерферируют не только слова, схожие лишь внешне, например, русское *ортодоксальный* и английское *orthodox* — «православный», но и весьма близкие семантически — русское *пролетариат* и английское *proletariat*.

К каким же результатам приводит появление в высказывании интерферируемых единиц выделенных типов? Очевидно, что если слова двух языков не имеют общих семантических признаков, то общение может быть разрушено, так как высказывание не отразит истинного намерения говорящего: «Используются диверсионные формы интеграции» (вместо

разнообразные; ср. с английским *diverse*). В лучшем случае, будет достигнуто очень поверхностное, неполное понимание: «Этот народ **игнорирует астрономию**» (вместо «незнаком с астрономией»); ср. с английским *The people is ignorant of astronomy*). Вероятно, если лексические единицы двух языков можно отнести к одному семантическому полю, то будет понятно, о чем идет речь в высказывании, но более точное декодирование потребует дополнительных усилий адресата: «Они делают ставку не на борьбу, а на компромисс с **авторитетами**» (ср. с англ. *authorities* — «власти»). Наблюдаются и случаи полного разрушения коммуникации: «Мы никогда этого не **запомним**» (вместо «не забудем», ср. с польским *zapamięć*). Можно предположить, что если слова относятся к одной лексико-семантической группе, то осознание мысли говорящего будет полным, не достигая, однако, необходимой глубины: «Коммунисты твердо возражают против увеличения сферы **активности НАТО**» (вместо *деятельности*; ср. с английским *activity*), «Мы также проводим **лекции мира**» (ср. с польским *lekcja* — «урок»). Если слова синонимичны, то интерференция должна, видимо, «резать слух» носителя языка, но не мешать достаточно полному, до смысла пониманию, где смысл — актуализация в речи языкового значения и всевозможных видов неязыкового содержания: коннотации, знания о референте и пр. Так, например, в предложении «Мы должны делать все для укрепления мира **на целом свете**» сочетание «на целом свете» (ср. с польским *na całym świecie*) вовсе не мешает правильно восприятию высказывания.

Когда единицы очень близки семантически и схожи внешне, то в большинстве случаев интерференция оказывает на общение положительное влияние. Возможен, конечно, и вариант «неприятия» фразы, содержащей интерференцию, чувствительным ухом носителя языка: «На этом факте Кант **базирует** свою теорию» (правильнее было бы сказать *основывает*).

Для проверки гипотезы о соотношении у интерферирующих слов общих и различных признаков, т. е. о семантическом расстоянии как критерии, определяющем характер воздействия интерференции на процесс речевого общения, автором проведен психолингвистический эксперимент со 150 испытуемыми: студентами и выпускниками института иностранных языков, исторического факультета БГУ, медиками, инженерами, преподавателями высших и средних учебных заведений. Для первой серии заданий было отобрано 27 предложений, содержащих интерференцию, для второй — 26. Материал был организован в соответствии с семантическими отношениями интерферирующих единиц: синонимы вошли в первую группу; слова одной лексико-семантической группы — во вторую; одного семантического поля — в третью; сходные лишь в плане выражения — в четвертую. В каждой группе по 6—7 предложений.

В первой серии заданий испытуемым предлагалось оценить как «правильные», «допустимые» или «неправильные» слова, употребленные вследствие межъязыковой лексической интерференции.

Как явствует из табл. 1, количество оценок «правильно» и «допусти-

Таблица 1
Процентное соотношение оценок к числу испытуемых

Группа предложений	Правильно	Допустимо	Неправильно	Отказ
I	19,3	57,5	36,3	4,5
II	17,4	31,9	47,6	3,1
III	7,7	17,6	71,1	2,8
IV	6,0	20,6	60,5	12,9

Примечание: Некоторые испытуемые давали по две оценки одному слову.

мо» уменьшается от первой к четвертой группе, а количество оценок «неправильно» и отказов от оценки (т. е. непонимание слова вообще) возрастает от синонимов к словам, входящим в разные семантические поля, сходным чисто внешне.

Интересно, что в третьей группе, где слова принадлежат одному семантическому полю, количество оценок «допустимо» меньше, чем в четвертой группе. Для объяснения этого факта необходимо обратиться к результатам второго задания — замены слов более «подходящими», по мнению испытуемых. Адекватными будем считать замены синонимами, переводами; приемлемыми — словами, входящими с исходными в одну лексико-семантическую группу. Под исходным понимаем слово, правильно отражающее намерение говорящего. Более 50 % испытуемых предложили неправильные замены к словам четвертой группы или отказались от замены. В третьей группе отмечено 38,5 таких случаев. Надо полагать, что испытуемый, не понимая смысла слова из предложения четвертой группы, относит это за счет своей некомпетентности, признаться в которой не решается, и ставит оценку «допустимо». В первой группе синонимичные замены составили 40 % общего числа предложенных, во второй — 20 %. Исключением стало слово *карьерера* в предложении «Юноша был рано поставлен перед выбором *карьеры*» (ср. русское *карьерера* и английское *career* — «профессия, карьера»). 90 % замен были адекватными: «жизненный путь», «дело жизни», «профессия» и т. п. В третьей группе правильное понимание слова чаще обуславливается контекстом, не допускающим иного толкования: 100 % испытуемых правильно заменили слово *домашняя* на *внутренняя* (ср. с английским *home policy*) в предложении «Правительство придерживается одних принципов во внешней и в *домашней* политике». То же касается и последней, четвертой группы. Только там, где анализировался контекст, восприятие, а следовательно, и замены были верными: «Посмотрите на мою *фигуру* — по ней видно, что я честный человек». Большинство участников эксперимента на слово *фигура* дали замену *лицо*, *физиономия* (ср. с французским *figure*). Если же единица воспринималась вне контекста, понимание не достигалось. Так, слово *диверсионный* испытуемые восприняли как *подрывной* (ср. с английским *diverge* — «разнообразный»).

Задания второй серии представляли для испытуемых значительно большую сложность. Если в первой им прямо указывалось на интерференцию, то здесь они были должны прочесть и перефразировать предложения, причем возможная помеха правильному восприятию — интерферирующая единица — не указывалась. Фиксировалось количество прочтений, понадобившихся для перефразирования, полученные замены анализировались с учетом их соответствия замыслу исходного предложения. Количество прочтений при адекватной замене свидетельствует о наличии или отсутствии затруднений в анализе содержания высказывания — чем меньше прочтений, тем понятнее предложение.

Как видно из табл. 2, ряды замен и адекватных замен нисходящие, но

Таблица 2

Группа предложений	Количество, %		
	замен	адекватных замен	замен интерферирующей единицы
I	84,7	61	67,5
II	92,5	78,7	81,5
III	77,9	51,8	45,5
IV	77,2	38,1	53,3

во втором значении на 20 % ниже, т. е. испытуемые не всегда правильно понимали и, соответственно, перефразировали предложения. Обращает внимание тот факт, что во второй группе (слова из одной лексико-семантической группы) результаты выше, чем в первой (синонимы), что еще раз подтверждает важность контекста для правильного восприятия. Так, если предложение «Все осудили его **акцию**» из второй группы не вызвало затруднений и около 90 % правильно его перефразировали, заменив слово *акция* на *действие, поступок* (ср. с англ. *action*), то тавтология в случае «Укрепление доверия и **консолидация** международной безопасности — важнейшие требования для обеспечения мира» (ср. *консолидация* — «укрепление, сплочение сил» и *укрепление*) привела к тому, что только 30 % испытуемых сделали это правильно, к примеру, опустив слово *консолидация*.

Однако даже в условиях достаточного контекста межъязыковая лексическая интерференция оказывает самостоятельное влияние на процесс восприятия речевого высказывания. Подтверждением служит тот факт, что в большинстве случаев испытуемые заменяли именно интерферированные единицы. Как явствует из табл. 2, изменение слова ведет, как правило, и к адекватной перефразировке предложения, т. е. пониманию замысла говорящего. В предложениях четвертой группы контекст не помогал в анализе содержания: величина ошибок межъязыковой интерференции такова, что замена лексической единицы чаще соответствовала не исходному слову, а его омофону / омографу. Поэтому из 15 % участников эксперимента, попытавшихся переделать путем замены слова *формально* предложение «**Формально** мирные действия просто игнорировались», всего 2,5 % добились успеха, опустив интересующую нас единицу. Вместо имевшегося в виду английского *formerly* — «ранее», переводчик воспринял *formally* — «официально», «формально». Поэтому и испытуемые предлагали замены *формально, официально*.

Полученные результаты, таким образом, подтвердили объективность тенденций, выявленных в первой серии заданий, о существовании зависимости между семантическими отношениями интерферирующих единиц и влиянием интерференции на коммуникацию.

Е. И. ГАПОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНФИНИТИВНЫХ ОБОРОТОВ С КОНТЕКСТОМ

Инфинитивные обороты (ИО) в английском языке представляют собой сочетание вопросительных местоимений или наречий с инфинитивом, например, *what to do, how to speak*. Являясь неполными номинализациями, они, с одной стороны, заключают в себе пропозитивное содержание, а с другой — обладают именными чертами, что позволяет им выступать в качестве средств повторного обозначения смысловых отрезков текста. Иначе говоря, функционально-семантические отношения ИО с окружающим контекстом основываются на существовании первичной и повторной коммуникативной номинации, т. е. на неоднократном поименовании сложных референтов в тексте с помощью предложений и речевых единиц, которые соотносятся с ними по признаку номинативно-функциональной общности¹. Такое поименование отличается как от лексико-семантического повтора, так и от номинативных отношений парадигматического плана, так как не предполагает в качестве обязательного условия непременно повторения некоторого лексического компонента, хотя и не исключает его. Очевидно, что речь идет об описании различными синтаксическими структурами с различным лексическим наполнением одних и тех же предметных ситуаций, что создает в тексте кореферентные семантические связи. Ван Дейк считает, что многократное упомина-